

Статья опубликована в журнале «Социология», 2007. № 2.

Антанович Н.А., кандидат политических наук (МИНСК)

Политические трансформации на постсоветском пространстве: парадигмы изучения и ключевые исследовательские проблемы

Политические трансформации на постсоветском пространстве: парадигмы изучения и ключевые исследовательские проблемы

Статья посвящена анализу современной литературы, посвященной проблематике постсоветских политических трансформаций. В статье выявлены и рассмотрены следующие основные исследовательские проблемы, поднимаемые в русскоязычной и западной литературе: работает ли теория «демократического транзита»; каковы качества демократии; какова роль процессов национально-государственного строительства в ходе политических трансформаций; какова «социальная цена» проводимых реформ.

Political Transformations on the Post-Soviet Area: The Key Research Issues and Paradigms

The article is devoted to the scientific analysis of modern literature on the post-Soviet political transformations. The main research issues were revealed as follow: if the theory of democratic transition works; what are the qualities of democracy; what role has the nation-building aspects of transition; what is the “social price” of reforms.

Анализ переходных обществ и выявление особенностей постсоветских трансформаций является предметом междисциплинарного анализа в современном социальном знании. Целью статьи является рассмотрение ключевых парадигм и проблем изучения переходных обществ в современном социальном знании, а также выделение закономерностей анализа постсоветских политических трансформаций в работах белорусских и российских ученых. В начале 1990-х годов социальные и политические трансформации на постсоветском пространстве анализировались на основе теории модернизации и транзитологии, затем появляются аутентичные исследования переходных обществ, которые, используя методологические достижения вышеназванных теорий, более адекватно отражают суть трансформационных процессов на постсоветском пространстве. Анализ переходных обществ стал предметом специального анализа таких белорусских исследователей, как Е.М. Бабосов, А.Н. Данилов, Д.Г. Ротман, С.В. Решетников, С.А. Шавель, Д.К. Безнюк, С.Б. Лугвин и др., в работах российских исследователей А.Ю. Мельвиля, В.Я. Гельмана, В.И. Пантина, Т.П. Лебедевой, Д.А. Фурмана, А.В.Рябова, Б.И. Макаренко, Л.И. Никовской, В.Н. Якимец, О.Ю. Малиновой, В.Л. Иноземцева, З.Т. Голенковой и др. В современной российской литературе число публикаций по обозначенной теме постоянно нарастает, к примеру, в МГУ в 2005 г. состоялся круглый стол российских и польских ученых на тему «Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве», которому был посвящен специализированный выпуск журнала Вестник МГУ¹. В ведущих научных журналах практически ежеквартально публикуются статьи по переходным

обществам, проводятся научные конференции (к примеру, международная конференция «Новые политические процессы на постсоветском пространстве», Санкт-Петербург, 19-20 апреля 2006 г.).

В работах ряда таких исследователей, как Л. Даймонд, Х. Линц, А. Степан, К. Шмиттер, Р. Саква, Т. Карозерс, А.Ю. Мельвиль, В.Я. Гельман, Т.П. Лебедева, Д.А. Фурман, Б.И. Макаренко и др. исследуются закономерности *посткоммунистических* трансформаций, связанные с *парадигмой транзита*. В рамках последней выделяются такие фазы, как эрозия и распад авторитаризма, либерализация, институциональная демократизация, неконсолидированная демократия, демократическая консолидация. Значимым исследовательским вопросом в современных публикациях является *вопрос об адекватности сложившейся объяснительной модели*. Как пишет Мельвиль А.Ю., «... описывая и анализируя тенденции политического развития в мире, многие исследователи поддались ... искушению и начали воспринимать современные политические трансформации в виде линейного вектора – от распада тех или иных разновидностей авторитаризма к постепенному выстраиванию консолидированной демократии переходного типа.»²

Оценивая *постсоветское* пространство, политологи отмечают упрощенность и поверхностность парадигмы транзита, основанной на модели «транзит – консолидация». На постсоветском пространстве доминируют процессы политической институционализации и властной стабилизации, ориентированные на эффективное управление, стабильное воспроизводство властных отношений, создание механизмов поддержки и легитимации власти. Сложившиеся консолидированные политические режимы не вписываются в логику линейной транзитологической модели. Хотелось бы привести несколько мнений по поводу кризиса линейной транзитологической парадигмы. С критикой возможности применения описанной транзитологической модели ко всему многообразию посткоммунистических трансформаций выступал Т. Карозерс.³ А.В. Рябов, содиректор программы Московского Центра Карнеги «Российская внутренняя политика», на семинаре «Новые независимые государства: вступая во второе десятилетие» (состоялся 11.10. 2005) отметил: «Как известно, надежды, связывавшиеся многими и политиками, и экспертами с начавшимся в 1991 году демократическим транзитом в странах СНГ, в значительной степени не оправдались. Это позволило многим специалистам сейчас достаточно остро ставить вопрос о том, что и вся *теория демократического транзита*, именно во многом благодаря опыту постсоветского пространства, оказалась, вообще говоря, не востребованной, что от нее нужно отказаться...»⁴ Л.И. Никовская в работе «Проблемы и особенности демократической трансформации в современной России» признает, что «романтизм относительно быстрой и успешной трансформации российского общества быстро развеялся. Конец 90-х и начало XXI века подвели российское общественное сознание к критической переоценке пройденного, к

вынужденному самоопределению в новых, динамично меняющихся мировых процессах – глобализации, изменения правил международных взаимоотношений, построения новой системы международных политических приоритетов. Страна находится на перепутье, ей предстоит заново, с учетом горького опыта неудавшихся реформаторских усилий самоопределиться по ряду основных вопросов общественной трансформации: каковы национальные интересы России; какой общественный строй и какая форма власти им соответствует; какая экономическая система обеспечит процветание страны, какими должны быть место и роль России в глобализирующемся мировом сообществе.»⁵

Российский исследователь Л.В.Иноземцев исследовательский вопрос ставит следующим образом «навязанная демократизация: гарантированный провал?»⁶ и отвечает на него следующим образом: «Сталкиваясь с различными формами «продвижения», «насаждения» или «экспорта» демократии, приходится констатировать, что подобные попытки дискредитируют не только тех, кто их предпринимает, но и сами демократические идеалы – и здесь ... напрашивается аналогия с соотношением идей коммунизма и реально осуществленным «коммунистическим экспериментом.»⁷

Однако кризис «парадигмы транзита» не является концом транзитологии как исследовательского направления.⁸ Подводя промежуточный итог, отметим, что в современной транзитологии сложились две альтернативные модели переходных процессов. Первая модель политического транзита носит название «путь исторических траекторий» или стратегия «длинного пути». Данную концепцию развивают известные западные транзитологи Б. Мур, П. Андерсон, С. Роккан. По мнению И.А.Василенко «основная идея состоит здесь в том, что приняв ключевое политическое решение, нельзя пойти на попятную и отменить его: развитие начинает идти по заданному пути и в процессе транзита можно лишь несколько смещать траекторию без разрывов, революций, эксцессов. Вторую модель политического транзита называют концепцией «демократического прорыва» или «стратегией разрыва». На Западе ее сторонниками являются Р. Даль, Д. Растоу. Главная идея данного направления заключается в том, что политический транзит требует «шоковой терапии», решительного разрыва с прошлым, что, по этой логике, дает необходимый толчок для успешных политических трансформаций.»⁹

Следующий вопрос, который поднимается в новейших публикациях по социально-политическим трансформациям – вопрос о *качестве демократии* (в некоторых публикациях – вплоть до концептуального пересмотра представлений о демократии). Российский политолог Ю. А. Красин отмечает, что «на 19 конгрессе Международной ассоциации политических наук (МАПН, 2003 г.), посвященном теме «Демократия, толерантность, справедливость: вызовы политическому развитию», горячие споры

развернулись вокруг итогов так называемой «третьей волны» демократизации. По общему признанию демократизация натолкнулась на непредвиденные препятствия. Вопреки многообещающим надеждам 1970–80-х годов демократические преобразования в большинстве стран «третьей волны» не привели к сколько-нибудь существенным сдвигам в решении острых социальных проблем. Некоторые политологи прямо говорили, что решение социальных проблем для них важнее соблюдения принципов и норм либеральной демократии.»¹⁰

Осмысление состояния демократии нашло отражение в тематике 20 конгресса МАПН «Работает ли демократия?»: перемены в функционировании политических институтов как на внутреннем, так и на международном уровнях, особенно в свете процессов глобализации дают толчок к переосмыслению демократии. Как отмечает Ф. Закария, «серьезные вызовы, с которыми сталкивается демократия в современном мире, скорее всего, потребуют кардинальных изменений политического управления и в национальных рамках, и в глобальном измерении. Новизна и многообразие происходящих в мире перемен столь значительны, что даже в странах с давними демократическими традициями исторически сложившиеся формы либеральной демократии нередко дают сбой под давлением новых реальностей. Ведется интенсивный поиск более адекватных форм: демократии участия, новых типов прямой демократии, защитной демократии (*advocacy democracy*), коммуникативной демократии.»¹¹

Гельман Б.Я. утверждает: «...совершенно очевидно, что в свете постсоветской практики наиболее распространенные в литературе модели демократии выглядят недостаточными. В самом деле, используя известную классификацию Д. Хелда, можно говорить о том, что подавляющее большинство теоретиков «переходов к демократии» явно или неявно ориентируются на одну из двух концептуальных схем: 1) «соревновательный элитизм» в шумпетеровском варианте, при котором единственным критерием демократии по сути оказывается замещение правительственных должностей через свободные и справедливые выборы; 2) плюралистическую модель «полиархии» по Р. Далю, в рамках которой главными измерениями политического режима являются «состязательность» и «участие», а основными индикаторами демократии – набор гражданских и политических прав и свобод.»¹²

Немало исследователей заявляют о значимости *этнокультурной проблематики* при изучении современной демократии. В ряде работ появляются идеи *этноцентричности модели либеральной демократии*. Так, И. и П. Цыганковы утверждают, что «демократический мир» – не доказанная закономерность, а прежде всего ценностная концепция с присущими ей культурно-идеологическими допущениями... «Некритическое понимание изученных зарубежных теорий способно вовлечь нас в новую догматику – догматику «научного либерализма», которая быстро станет эволюционировать по пути превращения в своего рода

аналог прежнего «научного коммунизма» со всей его эмпирической неубедительностью и карикатурностью». Цыганковы также отмечают: «Во-первых, по-прежнему актуальна так и не разрешенная в отечественной политологии задача сопоставительного анализа культурно-идеологических контекстов представлений о демократии в Западной Европе, обеих Америках, России и странах Азии... Во-вторых, так и не была предпринята попытка смоделировать хотя бы теоретический вариант формы демократии, которая могла бы оказаться психологически и социологически укорененной в российской традиции, с одной стороны, и воплощать базовые принципы либерального общественного устройства (плюрализм, выборность, свобода, гарантии прав граждан) – с другой.»¹³

А.Н.Данилов четко показывает, что «анализ процессов трансформации как системы перемен ставит перед исследователями, может быть, главнейший вопрос о том, в какой мере реформы на их завершающей стадии учитывают национальные особенности и специфику каждой страны, ее традиции и культуру.»¹⁴

Ю.А. Красин пишет: «Концептуальное переосмысление демократии стимулируется и международными процессами, не укладывающимися в русло существующих ныне унифицированных либеральных представлений. Ничто пока не подтверждает заключений о том, что рано или поздно все страны примут либеральные ценности в том виде, как они сформировались в западном мире». Далее он продолжает: «Продвижение к демократии в гетерогенном глобальном пространстве не может быть простым и быстрым. Мировое сообщество находится лишь в его начальной стадии, когда в мировой политике доминируют веками утвердившиеся силовые противостояния и авторитарные устремления.»¹⁵

Л.И. Никовская считает, что «российскому социуму противопоказан механический повтор западных идей и политических практик, он должен соразмерять свое движение с собственным социокультурным кодом, поскольку представляет собой своеобразный «мир миров» и ему приходится заново «выстраивать» принципы и начала демократии, пройденные западными странами... России необходимо практически одновременно решать исторически и социально разнородные задачи, относящиеся к разным эпохам – эпохе модерна и постмодерна.»¹⁶

Т.П. Лебедева в противовес приведенным выше мнениям утверждает: «Политическая же практика показывает, что демократия как метод успешно функционирует толь в том обществе, где идеалы и ориентиры имеют либеральную окраску.»¹⁷

Итак, почему встала проблема концептуального пересмотра представлений о демократии? С одной стороны глобализация, ее положительные и отрицательные стороны, обострение мировых и региональных противоречий, обострение сырьевой и энергетической проблем, проблем общественной безопасности; а с другой стороны – качественные сдвиги в жизнедеятельности, структурах, механизмах функционирования и эволюции современного

общества требуют таких изменений в способах политического управления, которые не укладываются в рамки традиционных представлений о демократии. И все таки, с нашей точки зрения, демократия обладает рядом существенных характеристик. К минимальным требованиям, соблюдение которых позволяет тому или иному политическому курсу быть демократическим можно отнести: суверенитет народа, выборность основных органов власти, формально-юридическое равенство граждан, принятие решений большинством голосов. Демократия совершенствуется путем создания механизмов, обеспечивающих гарантии прав и свобод меньшинств.

Демократия предполагает политическую конкурентность, наличие согласительных механизмов в принятии политических решений, а соответственно – возможности корректировки курса и контроля за деятельностью властей со стороны общества. Б.Я. Гельман пишет: «...политические режимы могут быть описаны в категориях акторов и институтов. В этом смысле идеальная демократия предстает как конкуренция акторов в рамках формальных институтов.»¹⁸

Особое внимание при определении демократии ряд авторов уделяет такой характеристике, как верховенство права и проблема соответствия функционирования формальных и неформальных институтов власти. Только отталкиваясь от представления о существенных характеристиках демократии (соответственно дискуссия о них уместна и необходима), можно описать различные модели транзитных государств. Следует также отметить значимость *нормативно-ценностного отношения к демократии как к идеалу и цели предполагаемых изменений*, что находит закрепление и подтверждение в конституциях постсоветских государств, названных У. ПроЙссом «телеологическими».

Особое внимание следует уделить этической составляющей демократии. И в этом плане миссия лежит на странах «старой демократии», на их политических элитах, как по созданию достойных моделей принятия решения и мудрого ведения политики, так и улучшения имиджа своих государств.

Еще одна нить рассуждений в работах по постсоветским политическим системам состоит в выделении влияния *национально-государственного строительства на трансформационные процессы*. На семинаре «Новые независимые государства: вступая во второе десятилетие» (2005 г.) Искандарян А. отмечал, что современные процессы в СНГ можно объяснить особенностями национально-государственного строительства: «Я бы названием [семинара] сделал не «авторитаризм versus демократия», а, скажем, нациестроительство versus Failed State – становление стабильных обществ «versus» их нестановление. То есть, государства бывшего СССР сейчас находятся примерно на том этапе развития, прямая аналогия тут неуместна,... но и тем не менее, на котором находились западно-европейские государства с XVI по XVIII века, восточно-европейские государства с

конца XIX-го века... Вот если обращать внимание на реальные политические процессы, а не на то, что я называю имитационными, то формируется нормальная политическая система с группами во власти, которые представляют и аккумулируют в себе некоторые интересы социальных слоев, экономических слоев, криминальных слоев, военных слоев ...»¹⁹

Непременный атрибут и предпосылка демократии – гражданское общество – может появиться лишь в условиях осознания себя как гражданина и политической идентификации с определенным государством. К слову говоря, проводя классификацию государств в проекте «Политический атлас современности», авторский коллектив под руководством А. Ю. Мельвиля на первое место ставит индекс *государственности*, который используется для определения «способности государства поддерживать свое существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать стоящие перед ним внутренние и внешние задачи, т.е. использовать свои прерогативы суверена.»²⁰ Новые независимые государства (Россия, пожалуй, исключение) отличаются либо прерывистой историей государственности, либо ее недостаточностью, либо вхождением в иные государственные образования. Соответственно, начальная фаза транзита (либерализация) была связана с решением двойной задачи: не только политической демократизации и экономической либерализации, но и становления государственности, что воплотилось во всплеске национально-возрожденческих движений, формировавшихся по этническому признаку.

Учет факторов национально-государственного строительства присутствует в структурном направлении транзитологии (Липсет 1959, 1996; Алмонд, Верба 1963, 1980; Растоу 1970; Ингхарт 1988; Пай 1990). Эти авторы выделяют три основных типа структурных предпосылок демократии: обретение национального единства и соответствующей идентичности; достижение довольно высокого уровня экономического развития; массовое распространение культурных норм и ценностей, которые предполагают признание демократических принципов, доверие к основным политическим институтам, чувство гражданственности.²¹

Структурные предпосылки (государство и нациообразующие, социально-экономические, культурно-ценностные факторы) определяют содержательное наполнение формальных институтов и процедур. Как пишет Мельвиль А.Ю., «немаловажным условием и предпосылкой любой демократии (в том числе и консолидированной) является наличие самого государства, причем эффективного, и национальной идентичности... Дополнительным фактором устойчивости консолидированной демократии выступает внешняя среда, создающая для нее в идеале благоприятный (либо, напротив, неблагоприятный, угрожающий) международный контекст.»²² Сегодня очевидно, что процессы государственного строительства в странах СНГ накладываются на процессы глобализации. Как пишет А.Н. Данилов, «не располагая достаточным потенциалом для

структурной перестройки и не будучи полностью включенными в мировой интеграционный процесс, страны СНГ чаще всего оказываются не в состоянии разрешить свои проблемы, а попытки самостоятельных действий, если они и предпринимаются, постоянно наталкиваются на противодействие со стороны государств-членов различных блоков, обрекая эти страны на роль аутсайдеров в мировом интеграционном процессе.»²³

Специфика политического процесса в СНГ на сегодняшний день во многом определяется акцентированием на *проблемах безопасности* (военной, энергетической, продовольственной и т.д.). В мировых масштабах резко обострена проблема международного терроризма, острейшими являются проблемы энергетической безопасности, по-прежнему идет борьба крупных государств за присутствие и влияние в различных регионах мира.

Итак, возможно ли объяснять становление современных политических режимов на постсоветском пространстве исключительно характеристиками лидеров и элит, особенностями менталитета и политической культуры граждан? Уже в начале 90-х годов А. Пшеворски, проанализировав опыт стран Латинской Америки и Восточной Европы, показал, что решающее значение в обеспечении успеха перехода (транзита) принадлежит *государственным институтам* как центрам достижения согласия противоборствующих сил: «Проблема установления демократии состоит в следующем: согласятся ли политические акторы с рамками демократических институтов, которые будут обязывать их к согласию?»²⁴ С нашей точки зрения, при анализе политических трансформаций на постсоветском пространстве следует особо учитывать проблемы, непосредственно связанные с государственным управлением: 1) анализ структуры органов государственного управления (распад прежних структур и сформированные новые, проблема преемственности между ними); 2) изучение роли бюрократии (административно-бюрократического аппарата) как самостоятельного актора в политической системе; 3) модели поведения, тактика политических акторов по влиянию на принятие политических решений. В качестве экзогенного фактора следует учитывать роль внешней среды и международного окружения.

Опыт политической трансформации в республиках бывшего СССР показал приоритетность проблемы поддержания политической стабильности. В сформировавшейся моделях политической системы существование социума обеспечивается за счет контроля экономической и социальной сфер в целях получения ресурсов для обеспечения политической поддержки населения. Желательная направленность политических режимов – трансформация в русле осуществления власти в *предсказуемых границах*. Предсказуемость границ реализации власти обуславливается двумя группами факторов. Во-первых, наличием сложившейся системы внутриэлитных отношений, определяемых структурой правящей элиты (в первую очередь административной). Вторым фактором, обуславливающим предсказуемость границ власти, является поддержка населения, которая является

производной от степени удовлетворения первостепенных потребностей общества: экономических, социальных, коммуникативных. Переход к предсказуемости реализации власти связан как с ее институционализацией, так и с осознанием национально-государственных интересов.

Мировой опыт показывает, что внутриэлитная структура и уровень социально-политической активности населения являются определяющими в процессе политической трансформации. Полем, на котором происходит взаимодействие этих групп, является *политико-административная система* – система реализации политических решений, где осуществляется организация (политическое администрирование) процесса предоставления услуг населению. Таким образом, государственная бюрократия вновь перемещается в центр политической системы.²⁵

Итак, большинство республик бывшего СССР, после короткого переходного периода в начале 1990-х годов, пошли по пути парламентско-президентской системы правления. Однако эта система оказалась нестойкой, вызвав противостояние между исполнительной и законодательной властью, политические кризисы. Происходил законодательно закрепляемый рост полномочий президентской власти. Это привело к превращению исполнительной власти в доминирующую ветвь, к укреплению управленческой вертикали. Описывая эти процессы применительно к России, Красин Ю.Ф. пишет, что «...политика нынешней власти на укрепление управленческой вертикали или развитие «управляемой демократии» видится как некая альтернатива полному распаду государства. В ней находят выражение реальные потребности развития российского общества. Потеря управляемости привела бы страну к полному хаосу». Красин считает, что «нынешний курс на усиление государственности носит императивный характер» и далее «как ни тонка грань между сильной государственностью и авторитаризмом, она существует.»²⁶ По мнению И. Клямкина согласно данным опросов общественного мнения стремление к сильному государству отражает не желание вернуться в авторитарное прошлое, а стремление получить гарантию демократических прав и свобод против бюрократического и криминального произвола.²⁷

Так или иначе, проблема поддержания политической стабильности вставала перед всеми странами, в которых проходили трансформационные процессы. Процессы властной стабилизации характерны и для Республики Беларусь.²⁸ В целом для всего постсоветского пространства пятнадцатилетний период эволюции социума связан с постепенным преодолением персоналистских представлений о власти и переходе к политической институционализации. Политическая институционализация предполагает формирование общественного консенсуса по поводу базовых целей и ценностей общественного развития, поскольку для демократии крайне важны «такие концепты как доверие, сети, социальный капитал, гражданское общество и национальная идентичность,

подчеркивающие проблемы социального сплочения в контексте политической поляризации, этнических разломов и социальной эксклюзии.»²⁹

Еще одно направление в осмыслении постсоветских и посткоммунистических трансформаций в целом – *социальная цена реформ, социальная поддержка/сопротивление реформам*. Следует отметить, что данная проблематика в большей степени исследована экономистами и социологами, чем политологами. Транзитологическая парадигма элитарна по своей сути. Решающая роль в процессе реформ отдается просвещенной элите, которая действует на основе мощной экспертизы интеллектуалов. Поддержка общества (широких социальных слоев) здесь рассматривается в качестве априорного допущения. Возможное противодействие и даже сопротивление со стороны общества практически не учитывается. Но опыт политических трансформаций, особенно по сценариям «шоковой терапии», показывает, что происходит существенное ухудшение качества человеческого капитала и даже в ряде случаев гуманитарная катастрофа. Логично встает вопрос – а для кого же проводятся реформы? Ф. Казин высказывает мнение: «Никак не решаемые, а во многих странах усугубляющиеся проблемы бедности, голода, болезней, безработицы, неграмотности содействуют упрочению социально-экономических предпосылок для того, чтобы демократия, гражданское общество и правовое сознание не сформировались там никогда.»³⁰ А.Н. Данилов пишет: «Обещанное быстрое продвижение к демократии и достатку обернулось опасным обострением социальных и национальных отношений, нищетой в большинстве стран, пытающихся создать рыночную экономику.»³¹ В американском журнале по проблемам Восточной Европы (*East European Politics and Societies*) появилась подборка статей, предлагающих отличную от устоявшейся в западной политологии схему описания процессов 1990-х годов: «диссиденты транзита» (Poznanski K., Ericson Richard E., Burawoy M., Janos Andrew C.) ставят в центр своего внимания в большей степени экономическую и социальную, чем политическую трансформацию.³²

В СССР реформы периода перестройки были попыткой преодоления экономической стратегии экстенсивного развития. Однако после начала реформ почти все посткоммунистические страны пережили резкое падение ВВП, производства и занятости. Огромные надежды возлагались на быструю приватизацию. Как пишут К. Мюллер и А. Пиккель, «посткоммунистическая приватизация – потенциально самая коррумпированная сфера трансформации, особенно там, где государство отошло в сторону и допустило нерегулируемую борьбу интересов групп. В ряде реформируемых странах способ преодоления наиболее явных патологий приватизации видят в ре-национализации. Дж. Сакс, прежде сторонник приоритета приватизации, сейчас ратует за частичную ре-национализацию в России. Отсутствует не частный интерес, а «служба обществу, забота об интересах общества.»³³ Как отмечает российский исследователь З.Т. Голенкова, «реформы привели к

спаду производства, снижению индивидуального и общественного стандарта, росту бедности, безработице, неуверенности, бесперспективности для многих социальных групп общества. ... Многие группы населения оказались выброшенными из системы ранее существовавших социальных стереотипов и механизмов социальной регуляции и встраиваются в новые, неустойчивые системы. Все это, вместе взятое, означает маргинализацию, хотя и временную, но огромных масс населения.»³⁴ Маргинализация является прямым следствием структурных изменений в экономике и падения жизненного уровня населения. Маргинализация препятствует быстрому становлению гражданского общества, основанного на принятии и защите большинством населения демократических ценностей и свобод.³⁵

Чтобы понять современные политические процессы в странах СНГ, необходимо обратиться к вопросу каковы были мотивы перестройки и демократизации начала 1990-х годов? Для разных социальных слоев они выглядели по-своему. Для широких масс демократизация была лишь первоначально связана собственно с политическими изменениями и духовно-культурной свободой, возрождением и восстановлением многих исторических фактов. Вскоре по мере нарастания экономического кризиса нематериальные мотивы для широких масс населения были заменены материальными, воплощенными в требованиях достойного уровня жизни (сопоставимого с западным). Для духовно-культурной элиты демократизация начала 1990-х означала, по сути, плюрализацию и принятие либеральных ценностей. Та часть общества, которая на волне перестройки и процессов смены прежних элит (с их параллельным стремлением сохранить властные позиции) сумела повысить свой статус, входя в экономические и политические группировки, вскоре вступила в острую конкуренцию. В ходе этой конкуренции интересы общества все более отеснялись на задний план, формирование новых политических элит первоначально происходило по принципу конкуренции персоналистского типа, а затем перешло в фазу формирования группировок вокруг выделившихся лидеров. На сегодняшний день можно говорить о существовании элит государственнического типа, ориентированных на защиту национальных интересов своих стран.

Во второй половине 1990-х годов в условиях наметившегося экономического роста и стабилизации положения и жизни каждого отдельного человека во многом срабатывали механизмы стремления закрепить эти достижения, не быть вновь ввергнутыми в пучину дефицита, безработицы, различного рода потрясений. Параллельно с экономической стабилизацией происходят процессы государственного строительства, а точнее – осознания национально-государственных интересов. Как отмечает Е.М. Бабосов, опыт переходного социально-экономического развития постсоветских стран, в первую очередь

России и Беларуси, показывает, что «государство выступает выразителем, гарантом и защитником общих национальных интересов.»³⁶ Государство должно проводить сильную социальную политику, тремя основными функциями которой являются: «воспроизводственная, социальной защиты, социального развития.»³⁷

И.В. Павлов отмечает, что, «результаты общественно-политической трансформации должны воплотиться в достижении социумом нового качества. Не последней задачей при этом выступает проведение сильной социальной политики.»³⁸ П. Дуткевич, В.Лауриер, Д. Гозина считают, что «не существует дилеммы между рынком и государством..., но существует некая дилемма между ориентацией реформ на экономический рост и в то же самое время защита благосостояния общества от транзитологических издержек предпринятых реформ.»³⁹ Социальный прорыв возможен только путем грамотного долгосрочного управления со стороны государства, с условием проведения продуманной экономической и социальной политики.

Анализ исследовательской литературы по трансформационным процессам на постсоветском пространстве позволяет сделать несколько выводов. Политические трансформации на постсоветском пространстве имеют волнообразный характер. Как показал В.И. Пантин, «волнообразность и цикличность политического развития – не случайность, не отклонение от «нормы», а закономерный результат жизнедеятельности политической системы, достижения политическими акторами своих целей и ответов системы на возникающие вызовы и противоречия. Волновая составляющая политического развития, взаимодействуя с его поступательной составляющей, порождает результирующее сложное движение политической системы.»⁴⁰ Более оправданной является стратегия «длинного пути» как модель транзита. Процессы транзита в постсоветских государствах протекали в условиях перехода от недостаточной государственности к государственному строительству и закреплению национально-государственных интересов (эндогенная переменная) и процессов глобализации (экзогенная переменная). В ходе постсоциалистической трансформации проявились сложности и противоречия: необходимость создавать одновременно демократические политические условия и рыночную экономику; потребность в создании дееспособной государственности, которая в состоянии осуществлять реформирование; необходимость преодоления низкого уровня правовой и политической культуры.

Политическое и, что особенно важно, социально-экономическое развитие привело к логике властной и социальной стабилизации и формированию консолидированных политических режимов. Демократия как признается как политическая ценность и цель государственного развития, что находит закрепление на конституционном уровне. Ключевым является вопрос верховенства закона, соответствия формальных и

неформальных институтов и процедур, публичного характера политического процесса. Демократия предполагает политическую терпимость, определенную степень доверия для способности пойти на договоренность, учет и уважение прав меньшинств, а также консенсус по поводу базовых целей и ценностей общественного развития. При проведении реформ необходимо учитывать интересы общества.

Список использованных источников

¹ См.: Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве: «круглый стол» российских и польских ученых // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 2.

² Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. с. 65.

³ См.: Карозерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. № 1 (28). 2005. с.73-80.

⁴ См.: Авторитарность versus демократия? Семинар «Новые независимые государства: вступая во второе десятилетие» (11.10. 2005) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/news/reports/55529.htm?search=undefined&open=6239&isFound=-1> – Дата доступа: 16.01.2007.

⁵ См.: Никовская Л.И Проблемы и особенности демократической трансформации в современной России // Новые политические процессы на постсоветском пространстве. Тезисы участников международной конференции «Новые политические процессы на постсоветском пространстве», СПб., 19-20 апреля 2006 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://gap.ru/?grup=573&doc=1661> – Дата доступа: 27.01.2007.

⁶ Иноземцев В.Л. Демократия: насаждаемая и желанная. Удачи и провалы демократизации. // Вопросы философии. 2006. № 9. с. 36.

⁷ Там же. с. 46.

⁸ Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. с.67.

⁹ Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве: «круглый стол» российских и польских ученых // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 2. с. 9

¹⁰ См.: Красин Ю. А. Российская демократия: коридор возможностей [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.old.iamik.ru/18975.html> - Дата доступа: 16.01.2007.

¹¹ См.: Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y. 2004.

¹² Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации. наброски к теории // Полис. 2001. № 2. с.6-18.

¹³ См.: Цыганков И., Цыганков П. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 2 (11). [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm> – Дата доступа: 20.01.2007.

¹⁴ Данилов А.Н. Постсоветские трансформации: уроки для будущего. // Социология. 2005. № 4. с.23.

¹⁵ См.: Красин Ю. А. Российская демократия: коридор возможностей [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.old.iamik.ru/18975.html> - Дата доступа: 16.01.2007.

¹⁶ См.: Никовская Л.И. Проблемы и особенности демократической трансформации в современной России // Новые политические процессы на постсоветском пространстве. Тезисы участников международной конференции «Новые политические процессы на постсоветском пространстве», СПб., 19-20 апреля 2006 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://gapn.ru/?grup=573&doc=1661> – Дата доступа: 27.01.2007.

¹⁷ Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для постсоветских преобразований. // Полис. 2004. № 2. с.78

¹⁸ Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации. наброски к теории // Полис. 2001. № 2. с.6-18.

¹⁹ См.: Авторитарность versus демократия? Семинар «Новые независимые государства: вступая во второе десятилетие» (11.10. 2005) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/news/reports/55529.htm?search=undefined&open=6239&isFound=-1> – Дата доступа: 16.01.2007.

²⁰ Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Опыт классификации стран // Полис. 2006. № 5. с. 15.

²¹ Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. с.30.

²² Там же. с.32.

²³ Данилов А.Н. Постсоветские трансформации: уроки для будущего. // Социология. 2005. № 4. с.20.

²⁴ Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. N.Y. 1991. p. 39

²⁵ Гончаров Д.В. Университетские программы по государственному управлению в современной России // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации: Материалы 4-й ежегодной международной конференции факультета государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова (24-26 мая 2006 г.) – М., 2006. с. 264.

²⁶ См.: Красин Ю. А. Российская демократия: коридор возможностей [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.old.iamik.ru/18975.html> - Дата доступа: 16.01.2007.

²⁷ См.: Клямкин И.М. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России. // Полис. 1993. № 2. с.6-25.

²⁸ Беларусь в вопросах и ответах (2-е издание) / Ред. коллегия Валеитенок В.В., Гасюк Г.И., Гуринов В.М. и др. - Мн.: ИСПИ. - 2006. - 80 с.

²⁹ См.: Мюллер К., Пиккель А. Смена парадигм посткоммунистической трансформации. // Социологические исследования. 2002. № 9. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://rusref.nm.ru/review3.htm> – Дата доступа: 16.01.2007.

³⁰ См.: Казин Ф.А. Закат транзитологии или серая зона Европы? Восточнославянский треугольник перед вызовом истории. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.mpra.ru/analytics/issue.php?id=82>. Дата доступа: 16.01.2007.

³¹ Данилов А.Н. Постсоветские трансформации: уроки для будущего. // Социология. 2005. № 4. с.22.

³² См.: Малинова О.Ю. Другой взгляд на «транзит», или о пользе и вреде повествовательных схем // <http://www.politnauka.org/library/dem/malinova.html>

³³ См.: Мюллер К., Пиккель А. Смена парадигм посткоммунистической трансформации. // Социологические исследования. 2002. № 9. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://rusref.nm.ru/review3.htm> – Дата доступа: 16.01.2007.

³⁴ Голенкова З.Т. Основные тенденции трансформации социальных структур в постсоветских обществах на рубеже веков // Социология. 2006. № 3. с. 17.

³⁵ Там же. с. 19-20.

³⁶ Бабосов Е.М. Регулирующая роль государства в жизни общества переходного типа // Восточно-европейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам. 2006. № 3. с. 73.

³⁷ Там же. с. 76.

³⁸ Опыт общественно-политических трансформаций на постсоциалистическом пространстве: «круглый стол» российских и польских ученых // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 2. с. 22.

³⁹ Дуткевич П., Лауриер В., Гозина Д. Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе. // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2001. – № 3. – с. 62.

⁴⁰ Пантин В.И. Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития. // Полис. 2002. № 4. с. 19-23.